

— Может, лучше закрыть глаза? — предложил Лю Сюаньань. — Если их закрыть, то и бояться нечего. К тому же, иглы у меня очень тонкие. — В доказательство он достал из рукава иголку, тонкую как волосок. — Видишь? Правда же?

Таохуа взяла иглу, убедилась, что она и вправду тонкая, и после долгих колебаний наконец кивнула.

Лю Сюаньань велел А-Нину оставаться снаружи, а Чэн Суюэ позвал в комнату, чтобы та посидела с девочкой. Сам же отвернулся, готовясь к процедуре. Причина стала ясна, стоило ему развернуть тканевый свёрток: внутри аккуратно лежали почти сотня толстых игл длиной в палец. Такой набор мог напугать не только ребёнка, но и взрослого мужчину.

Чэн Суюэ прикрыла глаза Таохуа душистым платком, дала ей кусочек сахара и, полюбняв, принялась успокаивать. Возможно, вспомнив мать, девочка скоро расслабилась и почти не напрягалась, когда серебряные иглы медленно входили в акупунктурные точки.

В комнате было сумрачно. Лю Сюаньань действовал неспешно, и под его руками Таохуа постепенно погрузилась в сон. Чэн Суюэ уложила её на кровать и тихо спросила:

— Как?

— Пульс странный, на чуму не похоже, — ответил Лю Сюаньань. — Подозреваю, это гу.

Чэн Суюэ удивилась — не столько из-за гу, сколько из-за скорости диагноза. С момента их прибытия на гору прошло всего два-три часа.

Но второй господин Лю и впрямь работал быстро. Найдя нужную точку, он ввёл последнюю иглу, однако, извлекая её, почувствовал неладное. Он замер, сосредоточился на ощущениях, а затем резко дёрнул.

На кончике иглы оказался клубок червей, тонких как волос. Но неожиданно Таохуа на кровати забилась в судорогах, пронзительно вскрикнув от боли. Её жуткий крик особенно резко прозвучал в вечерней тишине. Лю Сюаньань вздрогнул, а Чэн Суюэ мгновенно зажала девочке рот и ударила ребром ладони по шее, снова ввергнув её в беспамятство.

Но было поздно. Снаружи донеслись топот и гневный оклик Ду Цзина:

— Что происходит?!

Кто-то ответил:

— Кажется, из этих комнат.

Таохуа всё ещё была утыкана иглами, словно ёжик, и вытащить их сейчас не было возможности. Чэн Суюэ тихо спросила Лю Сюаньаня:

— Справитесь с этим гу?

Тот кивнул:

— Справлюсь.

— Насколько уверены?

— На девять из десяти.

— Хорошо. — Чэн Суюэ сжала рукоять мягкого меча. Если дело дойдёт до крайности, она готова была сначала разобраться со всеми за дверью.

Дверь с противным скрипом приоткрылась.

Лю Сюаньань пододвинул Таохуа к стене и накрыл одеялом.

В тот миг, когда в проёме уже показалась нога, из соседней комнаты раздался ещё один женский крик, а вслед за ним — испуганный голос А-Нина:

— Тётушка, что с вами? Вы в обмороке?

Взгляд Ду Цзина метнулся в сторону.

— Пойдёмте!

Все, кто толпился у двери, ринулись в другую сторону. Стало тихо.

— Здесь я справлюсь, — сказал Лю Сюаньань. — Госпожа Чэн, проверьте А-Нина. Думаю, он намеренно нас выручил.

Чэн Суюэ кивнула, постояла у двери, прислушиваясь, и, убедившись, что никого нет, быстро выскользнула.

В другой комнате А-Нин уже с трудом уложил женщину на кровать.

— Что с ней? — спросил он у Ду Цзина.

Все в комнате только переглянулись: она была без сознания, а рядом находился лишь ты, и это ты нас спрашиваешь?

А-Нин пояснил:

— Я хотел её осмотреть, но она внезапно забилась в судорогах, закричала — с каждым разом всё неистовее — и отключилась. Я чуть не поседел.

Ду Цзин проверил пульс женщины, но ничего необычного не обнаружил. Подозрения у него были, но доказательств того, что этот деревенский лекарь что-то замышляет, он не находил. К тому же, черви гу, блуждающие в теле, часто вызывали непредсказуемые реакции — иначе он и не стал бы с таким трудом переселять всех в эту глушь. Поэтому он не стал допытываться.

Люди вскоре разошлись. Чэн Суюэ подошла:

— Что случилось?

А-Нин, всё ещё перепуганный, признался:

— Это я усыпил эту тётушку. Простите её.

Чэн Суюэ: «...»

Но иного выхода у А-Нина не было. Услышав крик Таохуа и увидев, что Ду Цзин с людьми

направляется к ним, он в отчаянии ворвался в первую попавшуюся комнату и вонзил серебряную иглу в дремавшую за столом женщину. Та от внезапной боли вскрикнула, но, не успев открыть глаза, потеряла сознание от платка, которым ей закрыли лицо.

Чэн Суюэ, опёршись о косяк, смеялась так, что плечи её тряслись:

— И не знала я, что ты такой изобретательный!

А-Нин, с одной стороны, понимал, что поступок его не слишком благороден, а с другой — чувствовал некоторую гордость за свою находчивость. Под смех Чэн Суюэ ему стало неловко, и он поспешил сменить тему:

— Как там господин?

— Второй господин Лю нашёл червей гу, — ответила Чэн Суюэ. — Думаю, мы здесь надолго не задержимся.

Через некоторое время Лю Сюаньань тоже пришёл в эту комнату. Раз уж женщина была без сознания, он решил не терять времени и тоже утыкал ей голову иглами, вытацив таким образом несколько червей гу. На этот раз Чэн Суюэ, наученная опытом, крепко зажала женщине рот в момент извлечения игл, заглушив крик.

Со стороны могло показаться, что эти трое под одеялом творят что-то совсем неблагоприятное.

Чэн Суюэ, вытирая пот, тяжело дыша, спросила:

— Неужели с каждым пациентом придётся так возиться?

— Нет, — ответил Лю Сюаньань, убирая иглы. — Я уже понял, как выглядит пульс заражённого гу. Завтра за день определяю причину болезни у всех остальных. Госпожа Чэн, готовьтесь отправить князю весточку.

А-Нин, наблюдая за этим, подумал, что выражение лица и тон Лю Сюаньаня сейчас точь-в-точь как у его отца и старшего брата. И лишь тогда его осенило: «Так вот он какой, мой господин, — настоящий, кровный».

На следующее утро Лю Сюаньань предложил осмотреть пульс у всех пациентов. Ду Цзин, хоть и согласился из уважения к Ши Ханьхайю, но, видимо, всё ещё подозревая неладное после вчерашнего крика, отправил трёх своих учеников — якобы помогать, на деле же присматривать.

Лю Сюаньаню было всё равно. Хоть три, хоть десять, хоть сотня. Если бы не необходимость вести учёт и записывать каждый пульс для вида, он бы управился за полдня. Но даже с записями на всё ушёл лишь день.

В управлении у подножия горы Лян Шу получил письмо от Чэн Суюэ.

Ши Ханьхай с тревогой спросил:

— Как дела?

— Решено, — ответил Лян Шу.

— Решено? — Ши Ханьхай не поверил своим ушам. — Ваше Высочество хотите сказать, что

чума отступает и жизнь в Городе Алых Облаков скоро войдёт в привычное русло? — Ему казалось, он слышит нечто невозможное. — Но господин Лю пробыл на горе меньше двух дней.

Да, меньше двух дней. Лян Шу слегка приподнял бровь. Пожалуй, впредь стоит больше доверять ему. Ведь хотя у «спящего бессмертного» и не было врачебной практики, за плечами у него были тысячи книг, три тысячи путей Дао и сорок восемь тысяч лет невероятного возраста.

На горе Дакань Лю Сюаньань обедал вместе с Таохуа.

— Что ж ты так любишь жареные лепёшки? — поддразнил он.

— Вкусно, — ответила девочка и отломала кусочек, чтобы угостить его.

Лю Сюаньань хотел было принять угощение, но, заметив приближающегося Ду Цзина с людьми, покачал головой, давая знак, чтобы она ела сама.

Но Таохуа есть перестала. Она вскочила, собираясь убежать, однако Ду Цзин окликнул её. Ученик достал из коробки для еды чашку с лекарством и велел выпить, пока не остыло.

— Не хочу, — пропищала Таохуа. Возле Лю Сюаньяня она чувствовала себя смелее.

Ду Цзин нахмурился:

— Быстрее! Другие больные ждут. Не трать время.

Девочка умоляюще посмотрела на Лю Сюаньяня.

— Доктор Ду, — встал Лю Сюаньань, — оставьте лекарство здесь. Я прослежу, чтобы она его выпила.

— Остынет — и толку не будет, — Ду Цзин, похоже, уходить не собирался. — Доктору Ши лучше продолжать проверять пульс.

Его слова прозвучали насмешливо, и кто-то в толпе усмехнулся. Таохуа снова попятилась, но человек с чашкой уже потерял терпение. Он схватил девочку за подбородок, собираясь влить лекарство силой. Та в борьбе опрокинула чашу, и разъярённый мужчина занёс руку, чтобы проучить непослушную девчонку.

<http://bllate.org/book/16268/1464142>